

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Э. В. Померанцева

ХУДОЖНИК И КОЛДУН

«Картины его можно назвать перлами народного творчества по характерному и чисто русскому мирозерцанию»¹, — так высоко оценил творчество художника В. М. Максимова строгий и взыскательный судья И. Е. Репин. Особенно широкий отклик у современников получила знаменитая впоследствии картина В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875). Сохранились восторженные отзывы о ней И. Е. Репина, И. Н. Крамского, В. В. Стасова. Последний считал, что это произведение — «лучшее, важнейшее и значительнейшее» из всего, что создал В. М. Максимов. «Какая глубокая, — писал он, — какая талантливая картина деревенской веры и того обихода мысленного, чем поколения века живут у себя по далеким деревням»².

Обращение В. М. Максимова к теме колдовства не случайно — его всегда интересовали наиболее острые, животрепещущие темы народной жизни.

Во второй половине XIX в. колдун — значительная фигура в жизни деревни, вызывавшая уважение и страх. Недаром в те годы были широко распространены устные рассказы о колдунах, о страшных и таинственных случаях колдовства. Об этом особенно ярко свидетельствуют сообщения корреспондентов Этнографического бюро В. Н. Тенишева. Так, например, один из корреспондентов сообщает, что в Новгородской губернии о колдунах «в народе сохранилось немало рассказов»³, другой пишет из Псковской губернии: «Наша местность изобилует колдунами и знахарями»⁴. «Крестьяне, — продолжает он, — до сих пор не могут без ужаса вспомнить про колдунов и ведьм, и стоит только начать говорить о них, как посыпятся разного рода факты и рассказы о их проказах»⁵.

О повсеместной распространенности веры в колдунов сообщает и корреспондент из Смоленской губернии: «Вера в то, что сейчас есть колдуны, у крестьян непоколебима. Колдуны знают только с нечистой силой, а потому и действия некоторых из них исключительно направлены на зло людям»⁶.

Аналогичные высказывания поступали в Бюро в конце XIX в. из всех остальных среднерусских губерний.

¹ И. Е. Репин, *Далекое близкое*, М., 1953, стр. 375.

² В. В. Стасов, *Двадцать пять лет русского искусства*, Собр. соч., т. II, 1952, стр. 469.

³ Архив Государственного музея народов СССР, фонд В. Н. Тенишева (далее — ГМЭ, ф. Тенишева), Новгородская губ., корр. Е. И. Иванов, разд. Ж., п. 241, л. 12.

⁴ Там же, Псковская губ., корр. П. Куницын, разд. Ж., п. 206, л. 1.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Там же, Смоленская губ., корр. И. Гринев, разд. Ж., п. 240, л. 4—5.

Рис. 1. В. М. Васнецов. Портрет художника В. М. Максимова (1874 г.)

По тогдашним представлениям крестьян, колдун связан с тайными темными силами, он запродавал свою душу дьяволу, у него в подчинении бесы, он насыляет горе, болезнь, порчу, мор, стихийные бедствия.

Рассказы о колдунах вращаются вокруг нескольких основных тем, варьирующих в зависимости от времени, среды, местной традиции, индивидуальных особенностей рассказчика. Одним из наиболее распространенных был цикл быличек и бывальщин об участии колдуна в свадебной игре, чаще всего о его зловредном вмешательстве в свадебную церемонию с целью испортить молодых, насолить их родственникам за недостаточное к нему уважение.

Особенно широко были распространены былички о превращении колдуном свадебного поезда в волков. В них гнев и злостные происки колдуна чаще всего объясняются тем, что его обошли — не пригласили на свадьбу или предпочли ему другого колдуна. Так, в одном рассказе колдун, которого солдат не позвал на свадьбу, превратил весь поезд в волков⁷. В другом — колдун-мельник якобы превратил весь свадебный поезд

⁷ «Этнографическое обозрение», 1896, № 2—3, стр. 119—120; см. также С. В. Максимов, Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903, стр. 117.

в волков за то, что молодые, проезжая мимо мельницы, не поклонились ему⁸.

Распространенность в конце XIX в. веры в колдовство и популярность рассказов о колдунах имел в виду однофамилец художника, писатель-этнограф С. В. Максимов, когда, отмечая, что уже стала смолкать на устах присяжных сказочников сказка-складка, писал: «Но колдун-чародей все еще не забыт и все еще властен и крепок, несмотря на свое почтенное долголетие»⁹.

Все это говорит о том, что обращение художника в 70-х годах к теме колдовства, роли колдуна в народной жизни далеко не случайно. Недаром, почти через 100 лет вспомнил о картине «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» С. А. Токарев в своей книге о религиозных верованиях восточных славян: «Художнику В. М. Максиму удалось чрезвычайно выразительно и метко передать те смешанные чувства суеверного страха, тревоги перед лицом некоей нездешней силы, но вместе с тем и почтения, которое вызывает у всех личность старого колдуна, неожиданно появившегося среди свадебного веселья и грозящего бедой за нарушение обычая — забыли его пригласить»¹⁰.

Биографы В. М. Максимова и исследователи его творчества неоднократно отмечали, что в картине «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» все лица были портретными изображениями крестьян. В одном из своих писем сам художник писал, что поиски натурщиков для двух отцов и колдуна — задача немаловажная¹¹.

А. Леонов, автор большой монографии о творчестве Максимова, говоря об этом, замечает: «Вероятно, сам художник мог бы рассказать о каждом из своих героев всю историю его жизни, обрисовать его характер и поступки»¹². На основании писем В. М. Максимова и воспоминаний писательницы М. В. Алтаевой исследователь устанавливает, что отец невесты — крестьянин Степан Лисин, отец жениха — Лобазин, для позы позировал охотник Крячок. В отношении других персонажей А. Леонов считает, что «Крестьяне, наверное, знали каждое изображенное лицо по имени, отчеству и фамилии», но «теперь это восстановить невозможно»¹³. Однако материалы, сохранившиеся в архиве Этнографического бюро В. Н. Тенишева, дают возможность установить прототип центрального образа картины — колдуна.

Среди материалов, поступивших в бюро в ответ на анкету в 1898 и 1899 гг. из С.-Петербургской губернии, имеются обширные записи В. М. Максимова, касающиеся Ново-Ладожского района, в котором он, как известно, провел много лет. Это пословицы и отдельные выражения крестьян, сведения о рыболовстве, о быте рыбаков и их обычаях, о заключении браков, об обрядах, связанных с рождением и крещением детей, о местных условиях жизни крестьян, о «природных» их свойствах.

Во всех этих записях В. М. Максимов выступает не только как внимательный этнограф, фиксирующий все детали быта, как человек, понимающий бедственное положение крестьян, но и как фольклорист, учитывающий значение фольклора в качестве этнографического источника. Так, сообщая сведения о рыболовстве, он приводит предание о том, как Петр I разводил на Ладоге осетров. Говоря о рождении и воспитании детей, сообщает тексты колыбельных песен. Излагая обычаи, связанные с заключением брака, он подробно описывает свадебную игру и приводит тексты свадебных песен и плачей. Среди этих записей многие имеют са-

⁸ «Этнографическое обозрение», 1890, № 4, стр. 40.

⁹ С. В. Максимов, Указ. раб., стр. 109.

¹⁰ С. А. Токарев, Религиозные верования восточно-славянских народов XIX—начала XX века, М., 1957, стр. 111.

¹¹ А. Леонов, Василий Максимович Максимов, М., 1961, стр. 180.

¹² А. Леонов, Указ. раб., стр. 182.

¹³ Там же.

мостоятельное значение, как, например, большой поэтический плач подруги невесты, которым она приглашает ее в баню. В этом плаче отражены локальные черты: в нем говорится о том, что пареньку баню топили «тремя дровами да разными, первым дровам березовым, и березою то не дешеню, а березой белозерскою, другим дровам дубовым, что третьим дровам кленовым, кленовыми Новгородскими»¹⁴. Воду для бани носили с трех колодцев. Третья вода с Волхова, греют эту Волховскую воду заветными камушками, «что с горы в гору катаются, жемчугом да рассыпаются». За невестой чуж-чуженина посылают в город Нову Ладугу, и т. д.

Здесь же приводится и текст крайне редкой песни молодницы, которую она поет своим подругам через одну-две недели после венца, рассказывая о своей жизни замужней¹⁵.

Описание свадьбы во многом перекликается с картиной Максимова. В частности, он не забывает отметить, что «во многих местностях в это время является колдун за наградой, его встречают с хлебом-солью, одаряют деньгами и уже спокойны за молодых, что не „испортит их колдун“»¹⁶.

В Максимове — бытописателе все время живо внимание к народному слову: он приводит, иллюстрируя те или другие этнографические сведения, живые рассказы крестьян, местные выражения, поговорки, названия. Благодаря этому сухие сведения приобретают плоть и кровь.

Художник умеет подметить самые характерные особенности в облике человека: «чудесные белые зубы», или «умный, плутовато-заискивающий взгляд»¹⁷.

В. М. Максимов, очевидно, не случайно оказался в числе корреспондентов Тенишева. Возможно, какую-то роль оказало и желание подработать, ибо художник всю свою жизнь прожил в крайней нужде и даже те гроши, которые платил Тенишев (за 48 150 букв Максимов получил 41 р. 30 коп.), могли иметь для него значение. Существеннее то, что ему всегда был свойственен интерес к народной жизни, к быту, к обычаям и обрядам. Об этом убедительно свидетельствуют его письма к жене (в архиве Русского музея их 142)¹⁸, особенно письмо от 15 ноября 1874 г., в котором он на 34 страничках подробно описывает свадьбу одного из своих родственников, фиксирует шаг за шагом все моменты обряда, поведение участников игры, приводит тексты песен. Письмо это интересно и тем, что оно раскрывает кредо Максимова как художника. «Чуть не в первый раз,— пишет он,— я осозательно, если можно так выразиться, понял, что народ наш не утратил эпической простоты минувших времен, которая, хотя редко, но проявляется чистой поэзией, полной житейской мудрости, высказывающейся образно»¹⁹.

Описывая свадьбу, говоря о ней как о картине народной жизни, оценивая ее как русскую поэзию, Максимов беспощадно клеймит современное ему «ученое искусство» и художественную критику. «И что мы за дрянь художники, — пишет он, — когда у нас нет сил со всем нашим ученьем произвести такое потрясающее впечатление, а тут люди простые достигают цели»²⁰. С болью душевной он пишет о том, что ни среди художников, ни среди критиков нет человека, «который во всем объеме понял бы русскую жизнь»²¹.

¹⁴ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, С.-Петербургская губерния, раздел Ж., л. 19.

¹⁵ Там же, л. 27.

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ Там же, разд. А, п. I, л. 1.

¹⁸ Архив Русского музея, ф. 18, ед. хр. 5.

¹⁹ Там же, л. 3—4.

²⁰ Там же, л. 4—5.

²¹ Там же, л. 5.

Рис. 2. Фрагмент картины В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» — колдун

Свадьбу эту Максимов описывает не только как внимательный этнограф, как тонко чувствующий народную поэзию фольклорист, но именно как художник: «Я весь обратился во внимание, — пишет он по поводу одного из эпизодов свадебного застолья (разрезания яичницы), — и наблюдал мельчайшие подробности. Сил не хватит передать одной живописью эту сцену, а она заслуживает быть написанной сильным мастером и знатоком народной жизни»²².

Именно таким мастером и знатоком народной жизни была написана картина «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», опиравшаяся, как

²² Архив ГМЭ, ф. Тенишева, С.-Петербургская губерния, раздел Ж., л. 108 (об.).

Рис. 3. В. М. Максимов «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» (1875)

и многие другие картины Максимова на живые этнографические наблюдения.

Из числа богатых и разнообразных материалов, присланных В. М. Максимовым в этнографическое бюро, особого внимания заслуживает «Рассказ Григория Семенова Шабары, крестьянина Новоладожского уезда, Исадской волости, деревни Чернецкой, о том, как он сделался знающим человеком (попросту колдуном)»²³. Рассказ этот очень откровенный и подробный (объем в 24 страницы машинописи), — факт сам по себе крайне интересный, можно сказать, уникальный. Значение его усугубляется тем, что сопоставление его с картиной «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» раскрывает творческий метод художника.

Г. С. Шабара подробно рассказывает о своей матери-знахарке, которую побаивались в округе, о ее устрашающей внешности и трудной смерти (как, по поверьям, и полагается колдунам). Описывает таинственный пожар, случившийся сразу после этой смерти, когда, как свеча, одна во всей деревне горела его изба, о находке на пожарище горшка с кладом. Повествует Шабара о своей жизни в рабочих в Петрозаводске и благосклонности к нему хозяев, в частности, молодой хозяйки. Особенно детально он описывает все, что связано с жившим там знахарем, рассказывает о «чудесных делах» последнего, о лечении больного хозяина в бане душистым снадобьем. Он приводит малейшие подробности: так, например, готовя снадобье знахарь приговаривает: «Брысь, цыц, ур, кык, небо, солнце, земля, вода». Когда запели петухи, знахарь «бросил на каменку наотмашь какой-то черепок и закричал: «Грызи!», а сам неистово «зарегогал». Солому из-под хозяина он сжег, приговаривая: «Огонь, огонь, сожги Иванову боль, разнесите ветры Иванову боль по лесам, по болотам, по глубоким озерам, лютые звери, возьмите себе Иванову боль»²⁴. Этот знахарь и научил всему Шабару, решившего вернуться домой и заняться знахарством. «Чем ближе подъезжал я к до-

²³ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., п. 205, л. 1—24.

²⁴ Там же, л. 14.

Рис. 4. Фрагмент картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу»

му, — говорил он Максиму, — тем больше прибавлялось во мне этой силы, чувствовал я, что становлюсь знающим человеком»²⁵.

Шабара подробно рассказывает о своей последующей деятельности на родине в качестве признанного колдуна, о ряде связанных с этим эпизодов (наслал болезнь на не в меру любопытного соседа, отыскал украденную цыганом лошадь, испортил жениха, посрамил старуху-знахарку и т. д.), о том как медведь испугался его свиста, о том, что ему покорны змеи, как он чуть было не пострадал во время холеры, так как крестьяне заподозрили, что это он напустил порчу. Говоря о том, как росла его слава, Шабара отмечал: «Чтоб войти в силу, надо жить по-особенному, не как все мужики, при случае уметь себя показать»²⁶. Он явно гордился своим умением, мастерством, умом, силой. «С той поры, как я навыв мирить и ссорить, умные и глупые сделались мне покорны»²⁷.

Существенно для понимания картины Максимова замечание Шабары, буквально перекликающееся с описанием свадьбы, данным Максимовым: «Зимой в свадебное время привольно, бывало, жилось, знай похаживай на пироги, а угождают больше, чем попу, самолучшего подарка не жалеют и жениховы и невестины родители, коли хотят добра своим детям»²⁸. Для истории создания картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» особенно характерен в рассказе колдуна эпизод, как он непрощенно явился на свадьбу.

«Собрался я на эту свадьбу пешком верст за пять от нашей деревни. Одел полушубок, за кушак заткнул двенадцать лык, малахай на голову, батог с багорком в руку и, не глядя на снежную занось, отправился. Молодые, приехав от венца, только что успели встать за стол, а гости собрались поздравлять — я и мах в избу. У порога расступились в стороны все глазители. „Не звали, не ждали, — говорю, — гостя, а Шабара и незванный на пир пришел“. Я сразу увидел — на полу очерчен круг

²⁵ Там же, л. 15.

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Там же, л. 21.

²⁸ Там же, л. 21.

против меня: перепугались поезжане, поп и тот струсил. Жениховы отец и мать поднесли мне почтенные подарки: на шитом полотенце хлеб-соль, шейный платок, а сверх всего рублевка. Не стал я их в сумлени дер-жать, поздравил и собрался домой»²⁹.

И в этом эпизоде, как и во всем рассказе Шабары, звучит самолюбование и похвальба своей силой и славой: «Ведь всего не переслушаешь, что люди обо мне говорят, а самому и не вспомнить, что случилось со мной».

Говоря о том, как он передал свои знания односельчанину, бросил свое ремесло, поддавшись уговорам детей, да и потому, что «времена не те стали; уже очень много начальства разного развелось, всего опасайся», он признался, что «все-таки по привычке тянет к вольной жизни», и хвастливо заявляет: «Не бывать никому таким, как я, Шабара, знающим человеком»³⁰.

Кроме рассказа самого колдуна, Максимов приводит многочислен-ные рассказы о нем крестьян — в деревне «старый и малый знал о Шабаре». Познакомился с ним Максимов в начале 70-х годов, а раньше знал его только понаслышке.

Очевидно, именно в 70-х годах и были сделаны записи от колдуна, впоследствии оформленные в материалах, присланных в Этнографическое бюро в 1899 г. В пользу этого предположения говорят следующие слова Максимова: «Вообще я заметил, что, с тех пор как побывал он у меня в деревне Чернавино, увидел картину „Приход колдуна на свадьбу“, которую я тогда оканчивал, уважение его ко мне возросло, он понял, что в картине изображен случай, им же рассказанный»³¹.

Подробно описывает Максимов первую встречу с Г. С. Шабарой. Подвез он как-то случайного спутника. Когда тот распростился с ним, ямщик сказал: «Ведь это Григорий Семенович Шабара, он страшный колдун; вы заметили, что кони зачихали, пошли тихо, когда он сел в тарантас?»³². Максимов дает словесный портрет колдуна, такой выразительный, что воочию видишь его перед собой: «Между тем вид этого, по мнению Захара, страшного колдуна не имел ничего устрашающего. Роста он был немного выше среднего, сложения крепкого, движения его не торопливы, свободны. Умная, ясная речь с чувством собственного достоинства вполне отвечала его внешности. На вид ему можно было дать около пятидесяти лет. Одет он был по-старому, по-русски, в долгополую синего сукна сибирку, подбитую клетчатой байкой, ситцевую рубаху и шаровары из так называемой чертовой кожи; на голове старинного фасона череповецкая линючая шляпа; обут он в выворотные, сильно смазанные дегтем сапоги. Лицом он показался мне почти красив. Высокий лоб, глубоко сидящие темно-серые проницательные глаза, темные брови, прямой с едва заметной горбинкой нос и подвижной рот с резко очерченными, полными губами; густые русые кудреватые волосы на голове и борода дополняли тип хитроумного ладожанина. Ироническая, сдержанная улыбка не сходила с его лица. Чувствовалось, что этот человек не скажет необдуманного слова, что он насквозь видит человека с первой встречи»³³.

Описывает Максимов и избушку колдуна, все убранство которой направлено на то, чтобы поддерживать его таинственную славу, внушить страх, покорить его сильной воле:

«Необычайно было убранство в избушке Григория Семеновича. В переднем углу рядом с крохотным медным образом висел лошадиный череп, над ним чучело гадюки с открытой пастью, дрянно сделанные чучела совы, ворона, дятла и других пернатых, вперемежку с пучками трав и

²⁹ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., л. 205, л. 22.

³⁰ Там же, л. 23.

³¹ Там же, л. 29.

³² Там же, л. 25.

³³ Там же, л. 25—26.

цветов красовались на стенах. Черепá собак, кошек, разные кости лежали на лавках. Небольшая русская печь сплошь завешена кореньями и травами, а около трубы человеческий череп с двумя берцовыми костями»³⁴.

Максимов подчеркивает свою близость с колдуном, откровенность последнего. «Григорий, — пишет он, — не стесняясь посвящал меня в тайны своего занятия»³⁵.

В своем сообщении Максимов отмечает, что вера в могущество Шабары была велика «не только между крестьянами, но и в городе купечество часто обращалось к нему»³⁶. Умер знаменитый колдун, очевидно, в 1897 г.³⁷

Во всех собранных Максимовым материалах мы видим стремление как можно более точно воспроизвести сведения, полученные им от опрошенных им информаторов, желание сохранить особенности их языка, манеру рассказа. Все же записи эти, очевидно, сделанные в большинстве своем по памяти, несколько «олитературены» художником, обладавшим, судя по его письмам и дневникам, несомненным писательским даром.

Этнографические материалы, собранные Максимовым, существенно дополняют наши сведения о его работе над самой выдающейся его картиной. Когда смотришь на картину, то видишь, что в ней сохранены все детали рассказа колдуна: и полушубок, и малахай, и лыко за поясом, и бато́г в руках, видно, что шел колдун на эту свадьбу зимой в снежную метель, что изображен на ней именно тот момент, о котором рассказывал Шабара. Виден испуг поезжан, родителей молодых, даже попа. Изображены подарки, которые ему поднесли, изображен даже очерченный круг на полу. А главное, вся картина проникнута суеверным ужасом, страхом, вызванным появлением таинственного колдуна. Все испуганы, каждый — старики, молодые, поп, по-своему. Все они жертвы темноты, предрассудков, суеверий.

Материалы Этнографического бюро во многом раскрывают творческий метод Максимова, подлинную народность его искусства, глубокое проникновение художника в народную жизнь. Недаром его единомышленник и собрат по искусству И. Крамской растроганно сказал об этой знаменитой картине Максимова: «Да, да, сам народ написал свою картину»³⁸.

Глядя на картину Максимова, невольно вспоминаешь строки из его письма к жене о том, что художник должен раскрыть внутренний мир народа, «высказываемый живой речью, находящейся в тесной связи с жестикующей, позой и расположением групп целой картины. Просто сказать, — пишет он, — живописцу надо знать, что в известный момент думает и говорит каждый из изображаемых им в картине людей, тогда его произведение будет иметь смысл»³⁹.

Фольклорные записи и этнографические материалы Максимова — это несомненный вклад в этнографию и фольклористику, богатый комментарий к его картинам и в известной мере ключ к творческим устремлениям художника. Они дают представление о его увлеченности работой по познанию народа, о стремлении воплотить эти знания в искусстве.

Выстрадавшее убеждение звучит в словах Максимова, не потерявших своего значения и для нашего времени: «Картины можно писать сердцем, но не холодным умом — старая истина, которую часто забывают»⁴⁰.

³⁴ Архив ГМЭ, ф. Тенишева, разд. Ж., ш. 205, л. 28.

³⁵ Там же, л. 29.

³⁶ Там же, л. 28.

³⁷ В феврале 1899 г. Максимов пишет: «Он помер два года тому назад»; там же, л. 21.

³⁸ И. Е. Репин, Указ. раб., стр. 374.

³⁹ Архив Русского музея, ф. 18, ед. хр. 5, л. 5.

⁴⁰ Там же.